

Стихи Юлии Пикаловой рождены эмоциональным восприятием явлений культуры – картиной, музыкальным произведением, стихотворением. Это поэтический отклик души, поверженной искусству. Но реалии повседневной жизни, тревога и боль, которыми полон окружающий мир, врываются в атмосферу прекрасного, того, что так дорого автору, умеющему найти слова, отражающие красоту и трагичность бытия.

Д. Ч.

«ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ». ПРИНОШЕНИЕ ГУМИЛЁВУ.

1.

**«Шёл я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай...»**

Закат

закат разлился за окном
волной багряных сновидений
огни реклам тонули в нём,
как обескровленные тени
и, в алом мареве дрожа,
умчала колесница Феба

а город? город всё бежал,
а город не смотрел на небо

Безумец

Отбой.
И свет везде погашен.
Вползает мрак,
Густой, как мёд,

И душный. Но не мрак мне страшен,
А Та, что вслед за ним придёт.

И вот – в окне,
Кругла, богата,
Ошеломляюще бела –
Луна, бесстыдный соглядатай,
Над крестовиною взошла.

И коченеет всё живое,
И нервы скручивает в жгут.
Когда Такая – волки воют
И в поле раненые мрут.

Терпеть!
Опустится пониже –
Её воздастся красоте,
И я увижу – да, увижу! –
Луну распятой на кресте.

Шостакович.

Камерная симфония

Я слышал хруст,
 и свист,
 и вой,
 и лай,

И горло хоть охрипло, но окрепло.
Кто веку бросил громкое: играй! –
Хотел его увидеть горсткой пепла.

Земля неслась к весёлому концу
Во власти исполина-карнавала,
А музыка хлестала по лицу
И губы мне полынью обдавала.

Фортепианный квинтет

Души тревожной, вечно юной
Забывтый зазвучал мотив.
Иначе задрожали струны,

Волнения не укротив,
И вглубь себя с улыбкой кроткой
Глядишь ты, радуясь: ничей!..

Зимой так дышит день короткий,
Зажатый между двух ночей.

2.
**«Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!»**

Мы идём!

Мы идём! Мы идём! Мы идём!
Наши руки – единое «за»!
И разносится радостный гром,
И летит молодая гроза!

И по правилам нашей игры
Скоро все будут в нашей игре!
Наши взоры чисты и остры,
Наши руки по локоть в добре.

Донная мина

Я донная мина.
Вас стерегу –
Где ваши корабли? –
Чтобы те, кто остались на берегу,
Дождаться вас не смогли.

Люблю
Глубокую синеву
И мягкость придонных трав,
Но настанет мой день – и я всплыву,
Собою вас разорвав.

Солнце

Как нежно заря занималась, как солнце всходило легко! Трава,

заблестав, умывалась, тумана стекло молоко. Тепло по земле побежало, лучистую радость лия, и вот – накалилось до жара, как ты, дорогая моя.

И режет безжалостным оком, и жжёт беспощадной рукой твой день, обернувшийся шоком; скажи, ты хотела такой? Скажи, ты такой предвкушала, сужая глаза на восток? Как остро зрачков твоих жало, как лик твой прекрасно жесток! И рек пересохшие русла, и гор почерневшие рты, и небо, что в пекле потускло – смотри, что наделала ты!

Но солнце уходит на запад, восток же его не сберёг; что ж, милая, прячешь глаза под ладони своей козырёк? Иль видеть тебе нестерпимо, причём нестерпимо вдвойне, что солнцем владение – мнимо, что солнце уходит – ко мне?

Милитари

какой там к чёрту
приход весны,
когда час óт часу резче мы,
когда
война
просочилась в поры и сны
и по фасаду змеятся восхитительные трещины!

нам стал известен
секретный код,
и руки чешутся – аж в ладонях жжение!
давайте,
давайте же пустим в ход
оружие массового поражения!

Доигрались

Мы падали в запальчивую ересь;
Испарина холодная на лбу;
Кошунствуя, прищурясь и ощерясь,
Мы продолжали щекотать судьбу.

Теперь, сосредоточены и хмуры,
Хотим пойти с удачливой руки:

Мы посадили крупные купюры,
И счёт уже пошёл на медяки,

И друг на друга мы не смотрим прямо –
Пришло к концу везенье дуракам, –
И золотой, что был у Мандельштама,
Прилип к чужим потеющим рукам.

Девочка с косой

Памяти жертв теракта в Санкт-Петербургском метро 3 апреля 2017

Обол за перевозку под землёй.
Привычно дожидается светило
Там, наверху.
Но девочка с косой
В оплату перевозки не входила.
Она тебе в вагоне роковом
Поулыбалась призрачно, как счастье,
И лишь слегка задела рукавом:
Ведь ты ещё ни с кем не попрощался.

И прогремели правила игры:
Нет разницы плохим или хорошим.
С тобою рядом рушились миры,
А твой был не обрушен, а отброшен,
И перевозчик до конца довёл
Вагонов сцепку в грохоте и дыме.
Другие заплатившие обол
Отправятся вагонами иными,

А ты поднялся.
Наверху всё те же
С экранов откровенничают криво.
Напрасно просишь: тишина, утешь! –
Нет громче тишины, чем после взрыва!
А девочка, мелькнувшая едва,
Как будто померещилась, но всё же
Её прикосновенье рукава
Ты будешь вечно чувствовать на коже.

Полон луг порхающих цветов

Полон луг порхающих цветов!
 Ярко-синих, трепетно-лиловых
 и смущённо-розовых – улова
 памяти для долгих зимних снов...

Дальше всё заранее известно.
 У себя поблажек не прошу.
 Не боюсь ни времени, ни места –
 их однажды тоже напишу.

Поплывут за сумеречным лбом
 памяти пустыни и святыни –
 бабочек названья на латыни,
 загодя приколотых в альбом.

О серебре на золотом

И блеск, и близко небеса –
 Уверенных времён приветы,
 И мощь тугого колеса –
 Пол-оборота – пол-планеты!

Но плакать о пережитом
 И не таким пришлось державам,
 О серебре на золотом,
 Что стало сединой на ржавом.

Эсхатологическое

Дальше – тишина.

Шекспир

сколько раз, застигнутая врасплох,
 выпадала напрочь в далёком ритме.
 из недлинных двух. из скерцозных трёх.
 вечно разное. что же он говорит мне?

то ли шлёт отчаянный чей-то sos,
то ли сон, в котором не высыпаюсь.
только знаю – это всерьёз, всерьёз.
только слышу всё больше – пауз, пауз.

из торопких трёх... из нечётких двух...
караулю. внемлю. не отступаюсь.
но несут всё меньше глаза и слух.
но включается больше память, память.

даже если вовсе не умирать –
дашь дорогу, в прошлое улетаю,
и Шопена будут учить играть
педагоги мудрые из Китая,

а потом не станет морей и гор,
да и вся земля – мимолётный случай,
и в молчаньи в память направит взор
наблюдатель с тёмной Ро Офиучи.

ну давай же, как там: проснись и пой,
ночь нежна, жизнь прекрасна и всё такое!..
глух и полон накрывший меня покой.
и вот он-то мне не даёт покоя.

Перекаати-поле

Гроздья звёзд нависали
спело,
Сладким сеном
пахло окрест,
Колесо
тихонько скрипело:
«Мынеместные,
мынемест...»

Ночь нежна.
Но тоску глухую
Утолить не по силам ей:
Под собою земли
не чуя,
Мы не можем пустить
корней.

Ах, страна без конца,
без края –
Как поймём,
где наши края?
Здесь любая земля –
чужая,
Лишь дорога
вечно своя.

Зря мы грезим
о богоданном,
Благодатном конце пути:

Все мы странники.

Никогда нам
Это поле не перейти.

Привет

мы же писатели сука каторжники пера

А. Цветков

то ли мир довертелся то ли в лаборатории
бог-второкурсник нарушил баланс зла и добра
долг наш теперь последний фиксировать крах истории
мы же поэты сцуко каторжники пера

белые хризантемы вспышками хиросимы
распускают над шариком дикие лепестки
к бою братья-поэты встретим конец красиво
сделаем из сахара сахарные пески

здесь без конца историю воссоздавали заново
только рисковей на каждой витке и злей
вышли в финал так падай пожарный занавес
заизолируй зарево и залей

чтобы дурной пример для других галактик
не подавали пора пора на корню
чтоб неудачных лабораторных практик
минимизировать выхлоп и пачкотню

лидеры сверхдержав рухлядь дерьмо никчёмность
плачут не то нажав мир отгорел на треть

видимо мы и есть те самые люди в чёрном
всё нипочём нам лишь бы запечатлеть

и разлетаются фейерверком обломки
шарика голубого крепкой земной коры
свет напоследок дальше будут потёмки
вот и узнаем как выглядят тартарары
вот и узрим предсказанья певцов отпетых
и подберём антоним к святая святых
и второпях из слов уже не распятых
в преткновения знаках всяких там запятых
соорудим нетленку последняя ночь помпеи
дань отдавая прощальную языку
чтобы однажды эксперт из кассиопеи
мучаясь долго всё же прочёл
ку-ку

Анна Виноградова. «Гаражи». Бумага, тушь. 30x19,7 см. 2018 г.